

Religions of Russia / Религии России

DOI: 10.22250/2072-8662.2018.2.12-20

Михалев М.С.

Политический бурханнизм. Исторический опыт и современное положение

Аннотация. Бурханнизм, или белая вера, имеет множество последователей на Алтае – историко-культурном регионе, на территории которого также мирно сосуществуют православие, ислам, буддизм и шаманизм. Возникнув здесь в самом начале XX века как миллениаристское движение, бурханнизм довольно быстро оказался вовлечённым в политический водоворот по мере того, как в Российской империи нарастал системный кризис. По мере консолидации власти и монополизации идеологического дискурса, которые происходили на Алтае в 20–30-е годы прошлого столетия, белая вера, однако, постепенно сошла с политической и идеологической сцены. Лишь в конце XX века, на фоне распада

СССР и последовавших вслед за этим поисков национальной идеи в различных регионах страны, бурханнизм, стараниями местных алтайских активистов, был актуализирован и при этом существенно видоизменён, а его постулаты и символы были вновь поставлены на службу политическим интересам его лидеров. В свою очередь, подобная резкая политизация «народной религии» Алтая поставила белую веру на грань раскола и нового исчезновения. В данной статье, на основе анализа письменных источников по классическому периоду бурханнизма, а также бесед с его современными интерпретаторами, в историческом и социально-политическом контексте рассматриваются те угрозы, которые таит в себе вовлечение в общественно-политические процессы представителей таких традиционных верований, как бурханнизм и шаманизм. Делается вывод о том, что, несмотря на имеющийся у них значительный мобилизационный и идеологический потенциал, излишняя и, зачастую, поспешная политизация способна привести лишь к негативным последствиям.

Ключевые слова: бурханнизм, Алтай, Акай Кине, политизация, традиционные верования

Maxim S. Mikhalev

Political Burkhanism. Brief History and Current Situation

Abstract. Burkhanism, or White Faith, has significant number of followers in the Altai, a historical and cultural region in Russia, where Orthodox Christianity, Islam and Shamanism are also widely established. Originally a millenary movement, Burkhanism was born here in the beginning of the 20th century and soon grew in prominence as the political crisis in the Russian Empire was unfolding. As Bolshevik tightened the grip and imposed their ideology, however, the White Faith, that had been already seriously politicized by the October Revolution, eventually lost its ground and fell into oblivion. In the aftermath of the collapse of the Soviet Union, however, local Altai intelligentsia revived it in its efforts to have their national identity rediscovered. Unfortunately, the new leaders of White Faith seemed to seek political gains for themselves only. This has triggered an internal crisis within Burkhanism clergy and eventually put «folk religion» of Altai people to the brink of demise. Based on written sources on classical Burkhanism and interviews with its modern interpreters the given paper analyzes this modern crisis of White Faith and suggests that immature folk religions shall not allow themselves to be politicized, at least before they are strong enough organizationally and ideologically to participate in the political processes as equals.

Key words: Burkhanism, Altai, Akai Kine, politicization, traditional beliefs

Михалев Максим Сергеевич – кандидат юридических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а; maxmikhalev@yahoo.com

Maxim S. Mikhalev – PhD (Law), Post-doc fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; 32a Leninsky ave., Moscow, Russia, 119334; maxmikhalev@yahoo.com

Политическое измерение возрождения традиционных верований

Не секрет, что религия в целом довольно хорошо интегрирована в современную политическую жизнь как в России, так и за рубежом, и религиозный фактор активно используется различными политическими силами в их интересах. Несмотря на официальное отделение церкви от государства, закреплённое правовыми нормами во многих странах мира, мощнейший духовный потенциал, содержащийся в любом вероучении, наличие легко поддающихся мобилизации последователей, а также организационная сеть, которой обладают, к примеру, такие широко распространённые религии, как христианство, ислам или буддизм, импонируют политически активным силам в обществе. Неудивительно, что они стараются привлечь служителей культа на свою сторону, а также активно используют для достижения своих целей религиозные символы, доктрины и институты. С другой стороны, и сами представители духовенства в условиях идейного плюрализма, присущего светским государствам, также не всегда чужаются участия в политических процессах. С одной стороны, они осознают, что подобная деятельность предоставляет в их распоряжение новые, эффективные инструменты влияния на сердца и умы имеющихся и потенциальных последователей. С другой стороны, они понимают, что активная поддержка тех или иных сил в обществе способна принести им определённые дивиденды как социально-экономического, так и чисто имиджевого плана.

В результате, присутствие на политической сцене ряда европейских и латиноамериканских стран, к примеру, христианских партий, а также активное участие представителей церкви в политической жизни общества является не вызывающим сомнения фактом [Овсиенко, 2006]. Иногда такие партии ограничиваются лишь декларацией своей приверженности христианским ценностям, иногда они действительно тесно взаимодействуют с церковью, что позволяет им в полной мере задействовать весь её идейный и организационный потенциал. В то же самое время политический ислам, лишь с недавних пор ассоциирующийся с пропагандой экстремистских идей, уже довольно давно является значимым фактором политической жизни во многих странах Азии и Африки, даже если и не приветствуется светскими по своему характеру режимами. Следует отметить и то, что в то время как популярность христианской идеологии и авторитет церкви постоянно снижаются, политический ислам в настоящее время, очевидно, находится на подъёме, привлекая в свои ряды всё большее число сторонников¹.

В то время как формы и методы вовлечения мировых религий, таких как христианство, буддизм или ислам, в современную политическую жизнь достаточно хорошо изучены, взаимоотношения, складывающиеся в этой связи между политическими институтами и последователями традиционных верований, присущих представителям коренных народов, не так часто попадают в поле зрения исследователей. Между тем, в последнее время их приверженцы, в том числе и в экономически развитых странах, стремятся к тому, чтобы оформить свою деятельность организационно, при этом они с успехом кодифицируют свои всё ещё довольно зыбкие философские постулаты, зачастую подражая создателям христианского, мусульманского или буддистского вероучения. Это, в свою очередь, позволяет им активнее участвовать в политической жизни отдельных стран, обеспечивая идейную, моральную или даже организационную поддержку тем или иным политическим силам². В то же самое время и сами их лидеры проявляют интерес к тем экономическим возможностям, что предоставляет в их распоряжение статус легитимных участников политического процесса. Подобные тенденции отмечаются, в том числе, и в странах Европы и Северной Америки, где институты христианской церкви в настоящее время сталкиваются с серьёзными вызовами, а популярность традиционных вероучений, наоборот, переживает период подъёма.

В то же самое время для многих стран постсоветского пространства, переживших серьёзный идеологический кризис, вызванный крушением советской системы, который был помножен на несовершенство вновь создаваемых политических институтов, данная тенденция оказалась актуальной ещё в конце прошлого столетия. Так, некоторые традиционные верования отдельных коренных народов России, которые в то время переживали процесс возрождения, иногда неожиданно

даже для их представителей, иногда же в результате их целенаправленных усилий, превратились в важную составную часть политического ландшафта соответствующих регионов. Пожалуй, наиболее характерным примером явилось становление и развитие «административно-командного» шаманизма, когда в Туве, Бурятии и других регионах традиционного распространения этого вероучения шаманы довольно быстро превратились во влиятельную политическую силу, с которой вынуждены были считаться местные власти. Этот безусловно заслуживающий внимания феномен к настоящему времени достаточно хорошо изучен [Жуковская, 2008; Харитонова, 2006], в то время как ситуация на Алтае, где важной частью политической жизни республики оказалась «белая вера», или бурханизм, привлекает гораздо меньше внимания. На самом же деле история взлёта и падения политического бурханизма в республике Алтай во многом даже более показательна. Она проливает свет на то, с какими сложностями могут столкнуться представители традиционных религий коренных народов в случае, если политические мотивы в их деятельности окончательно выйдут на первое место.

Политический бурханизм: дореволюционный период

У каждой из мировых религий, кроме, пожалуй, индуизма, в горах Алтая расположена «последняя застава». Именно здесь находится северо-западный предел буддистского и северо-восточный предел мусульманского миров, здесь же проходит и южный рубеж православия. Границы эти отражены даже в административном делении Республики Алтай: так, Усть-Коксинский и Улаганский районы являются по преимуществу православными, а вот соседний с ними Кош-Агачский, благодаря наличию здесь казахского населения, частично мусульманский; здесь же, в непосредственной близости от границы с Монголией, наиболее сильны и позиции буддистского духovenства. Надо отметить при этом, что потенциальная опасность столь близкого контакта конфессий не материализуется здесь в какие-либо серьёзные конфликты³.

Соседством этих трёх мировых религий, впрочем, сложность религиозной ситуации на Алтае не исчерпывается, ведь здесь проживает также немало шаманистов. Кроме того, в последнее время растёт число приверженцев тенгрианства. И если шаманистами в основном являются сельские жители, которые стараются свои убеждения широко не афишировать, то к приверженцам Тенгри причисляет себя часть интеллигенции Горно-Алтайска. Эти люди не просто выражают надежду на то, что вера их предков, как они предпочитают называть тенгрианство, возродится, но и активно добиваются того, чтобы она была признана официальной религией алтайского народа⁴.

Алтай, однако, это не просто перекрёсток, возле которого сталкиваются мировые религии. Здесь, в районе их всё ещё не плотного соприкосновения, всегда остаётся достаточно свободного места для появления самобытных местных учений и харизматичных пророков, несущих людям новую веру. И если претензии на то, что то же тенгрианство ведёт свою родословную с Алтая как прародины тюрков, кажутся слишком натянутыми ввиду его французского происхождения, то зарождение в начале прошлого века в этих краях бурханизма, или белой веры, является неоспоримым историческим фактом. В настоящее время, как и столетие назад, наибольшее число его сторонников проживает в западной части Алтая, а именно в Усть-Канском, Онгудайском и Шебалинском районах, но при этом всё большее и большее количество людей по всей республике выражают уверенность, что именно бурханизм является подлинно алтайской верой, настаивая при этом на том, что её следует считать «народной религией» Алтая⁵.

Это новое, синкретичное по своей сути учение возникло в 1904 г., когда приёмной дочери пастуха Чета Челпанова явились всадники на белых конях и провозгласили скорый приход Ойрот-хана – мессии, который призван быть освободителем алтайцев от российского владычества и вернуть им их «золотой век». Весть об этом событии распространилась довольно быстро, и вскоре можно было уже говорить о рождении нового культа, символом и иконой которого стал сам Челпанов. Бурханисты требовали прекратить сношения с православными, а также по возможности извлекать русских товаров и денег; настаивали они и на том, что необходимо прогнать

с Алтая шаманов и отменить здесь кровавые жертвоприношения. Алтайцы, взбуряженные появлением нового пророка на своей земле, понесли Челпанову деньги и личные вещи, стали дарить ему шубы и отдавать в наложниц дочерей, при этом в массовом порядке отрекаясь от шаманской веры. Поверив в скорый приход мессии, они принялись истово молиться за избавление от власти «тонконогих», как они называли русских.

Тем временем «тонконогие» в спешке покидали населённые алтайцами районы, прося защиты у полиции. Покровительства властей стали искать даже шаманы. События достаточно быстро приняли по-настоящему драматический оборот, и уже 21 июня 1904 г. на Алтае произошло самое настоящее побоище. В урочище Теренг несколько тысяч русских поселенцев, подогретых проповедями православных священников и молчаливым одобрением их действий со стороны полиции, избили и ограбили безоружных алтайцев, собравшихся там на молебен. Чет Челпанов при этом был арестован и вскоре предстал перед судом. В связи с тем, однако, что защищать его приехали лучшие адвокаты Москвы, ссылавшиеся в прениях на новый закон о веротерпимости, его в конце концов отпустили, и таким образом бурханизм в Российской империи был легализован⁶.

Сам пророк после этих событий отошёл от дел, однако ему на смену прибыл побывавший к тому времени в Монголии крепкий администратор Тырый Яшитов, который, также объявив себя боговидцем, принялся создавать на основе прозрения Челпанова полноценную религию [Данилин, 1993, 112]. Это, в свою очередь, с неизбежностью означало, что бурханизм становится политической силой. Поддерживаемый верхушкой алтайской знати, стремившейся с его помощью усилить своё влияние, он вскоре окреп как финансово, так и организационно, попутно позаимствовав добрую половину шаманского пантеона и вобрав в себя многие доктрины православия. *Ярлыкчи* (служители бурханистского культа) заменили шаманов, и новая религия начала медленно, но верно вытеснять старую, двигаясь как на юг, вдоль Чуйского тракта и по направлению к Монголии, так и на север, достигнув, в конце концов, родственных алтайцам телеутов. Врагами бурханизма при этом были объявлены православные, русские, шаманы и даже телеграфные столбы, в друзья же попали буддистские ламы из Монголии и наполовину мифические японцы, которые в представлении местных жителей жили «в железных юртах». Остававшихся верными шаманской вере алтайцев теперь грабили, православным же травили посевы, так что ни о какой веротерпимости или о «бунте на коленях» при Яшитове речь уже не шла. Даже император был вынужден в конце концов обратить внимание на ситуацию на Алтае. Дело в том, что благодаря стараниям православных миссионеров до столицы дошли слухи, что бурханисты ожидают не только мессию Ойрота, но и некоего мифического *Япон-хана*, который освободит их край от гнёта белого царя. Бурханизм, который вначале провозглашал достаточно далёкие от политики цели, вольно или невольно попал в геополитический круговорот. Возможно, это было связано с тем, что в работу по его окончательному организационному и идеологическому оформлению включились опытные монгольские ламы, мечтавшие о распространении на Алтае идей ламаизма.

Вскоре, как и полагается любой молодой религии или политическому течению, бурханизм разделился на соперничающие между собой группировки, после чего началась ожесточённая борьба за власть между отдельными *ярлыкчи*. В результате белая вера оказалась в серьёзном кризисе, что могло привести к её преждевременному исчезновению, однако именно в это время началась первая мировая война. «Белый царь» терпел поражение за поражением, да к тому же принял недальновидное решение призвать на фронт алтайцев. Согласно грамотам, дарованным тем ещё Екатериной Великой, они, однако, были освобождены от службы в армии, и потому поспешная мобилизация вызвала резкий всплеск антиимперских настроений, на волне которых бурханизм, к тому времени окончательно слившийся с политикой, получил второе дыхание. *Ярлыкчи* стали во главе стихийного бунта, призывая алтайцев биться за свои права до последнего, осознавая при этом, что в случае провала восстания они могут легко укрыться в Монголии или в Туве, которые к тому времени отделились от Китая.

Вскоре уже казалось, что пророчество Чета Челпанова об избавлении алтайцев от власти «тонконогих» и вправду может исполниться, ведь после Октябрьской революции 1917 г. и провозглашения годом спустя Каракорум-Алтайского округа алтайцы действительно сделали большой шаг к обретению независимости. Однако вскоре большевикам удалось консолидировать власть, и в 1922 г. известный *ярлыкчи* Тонкос Мендышев благословлял уже партийную конференцию. Впрочем, даже это не помогло ему и его единоверцам избежать арестов в ходе чисток 30-х годов. После этого бурханизм, который к тому времени уже успел обзавестись кастой служителей культа, связанной доктриной, оригинальными ритуалами и собственными культовыми местами, был вынужден сойти с политической и идеологической сцены. Как тогда казалось, навсегда.

Постсоветский бурханизм: взлёт и падение Акая Кине

В советское время белая вера и вправду интересовала лишь этнографов да историков, однако, как только это стало возможным, а именно в последнее десятилетие прошлого века, она неожиданно громко заявила о себе, вновь став важным фактором политической жизни Алтая. Дело в том, что потерявшие к тому времени нравственную опору люди оказались в своего рода моральном вакууме и в поисках спасения обратились к наследию предков. Это, однако, ввергло их в ещё большее замешательство, ведь наследие это оказалось слишком неоднозначным для того, чтобы на его основе можно было строить новую идеологию. Многие видные представители алтайской интеллигенции в результате обратили свой взор к буддизму, некоторые же нашли спасение в православии; существовало и довольно сильное движение за возрождение шаманизма, который исчез из жизни алтайцев задолго до образования Советского Союза.

В этих условиях основательно подзабытый бурханизм многим показался спасительным решением [Тадина, Ябыштаев, 2012]. С одной стороны, белая вера являлась на сто процентов местным продуктом, свободным от очевидных внешних заимствований и способным сплотить народ на основе ценностей, присущих всем без исключения алтайцам. С другой, бурханизм обладал многими атрибутами «настоящей» религии. Проблем, впрочем, тоже хватало. Дело в том, что за годы советской власти традиция была утеряна и описания ритуалов можно было найти лишь в этнографической литературе, притом, что их истинное значение и вовсе было во многом забыто. Про наличие же прямой линии наследования не приходилось даже вести речь. В результате этого с начала 90-х годов прошлого века на Алтае стали множиться интерпретаторы прошлого, каждый из которых предлагал своё видение наследия предков, и бурханизм, к которому в то время резко усилился интерес, переживал серьёзный кризис роста. В ходе этого процесса его самопровозглашённые лидеры реформировали идеологию движения настолько, что стало возможным говорить о появлении на Алтае принципиально новой религии, использующей бурханистские символы и термины лишь в качестве маскировки [Кнорре, 2011].

Одним из самых убедительных и успешных реставраторов алтайской веры и одновременно создателем новой религии оказался Сергей Кыныев, взявший себе новое имя Акай Кине, который в 1998 возглавил организацию современных бурханистов «Ак-жан» (Белая Вера). Кыныев – фигура яркая и самобытная: отец четырёх детей, опытный спортсмен и успешный бизнесмен, он уже в середине 90-х годов прошлого столетия стал активно заниматься религиозной деятельностью. Сам Акай объясняет столь резкий поворот в своей судьбе тем, что незадолго до этого ему было божественное откровение, в результате чего он и обрёл жизненную миссию, связанную с возрождением бурханизма [ПМА]. Кине при этом образован (он филолог, специалист в области древнетюркской и древнерусской литературы), начитан, эрудирован и амбициозен. Философские взгляды его чрезвычайно своеобразны, хотя сам он утверждает, что они являются не его собственным изобретением, а результатом многочисленных поездок по республике, разговоров с земляками и работы с этнографическими источниками [ПМА]. Акай и вправду в течение нескольких лет подряд разъезжал по отдалённым алтайским сёлам, воссоздавая по крупицам старинные обряды своего народа. Этим, впрочем, его деятельность не ограничивалась. Кине верит, что религия должна быть практичной, а знание приходит через действие,

и для него это не просто слова. Став, в конце концов, одним из лидеров белой веры в республике, он вскоре вошёл в состав Совета религиозных организаций при правительстве республики, где был призван представлять интересы всех бурханистов Алтая. Бывший бизнесмен принимал деятельное участие в организации празднования традиционного алтайского нового года в столице республики, а в начале нулевых способствовал проведению в Горно-Алтайске нескольких научных конференций. Вместе со своими сторонниками он очищал от накопившегося мусора обо и сносил туалеты, установленные на святых местах, находя при этом время на то, чтобы мирить казахов с алтайцами, спасать сибирский кедр и бороться с браконьерами и чиновниками, организующими незаконные охоты на плато Укок. Последнее, кстати, в конце концов превратило его из системного в оппозиционного политика.

Его деятельность простиралась и до сих пор простирается далеко за пределы Алтая: в соседней Туве лидер «Ак-жан» принимает участие в международном слёте шаманов; в Казахстане обсуждает с историками из Национального Университета основы будущего тюркского единства; в Киргизии активно призывает к объединению родов; в Турции презентует свои новые книги; в Китае выступает с докладами перед студентами ведущих вузов столицы. Акая можно встретить и в Москве, где он принимает участие в круглом столе ЮНЕСКО, и в китайском Синьцзяне, где он встречается с легендарным сказителем, и в Бишкеке, где ему вручают звание почётного профессора.

Интересно, что столь активная общественно-политическая деятельность Кине, на словах стремившегося объединить под знамёнами бурханизма чуть ли не весь мир, привела к прямо противоположному результату. Учитывая индивидуализм алтайцев и их неприятие любой монополии, этого можно было ожидать. Однако лидер «Ак-жан», похоже, предпочёл не обращать внимания на тревожные сигналы до той поры, пока в его собственной организации не произошёл раскол, а на место всеединства ослепительно белого цвета, о котором он мечтал, не пришёл период ересей и ожесточённой борьбы. Если в самом начале лидера движения хотели провозгласить богом, то после того, как Акай благоразумно отказался от этого заманчивого предложения, боги стали плодиться без его ведома. Каракольская группа, исповедующая бурханизм шаманского толка, объявила таковым Василия Чекурашева, вслед за этим отделились «улаганские фундаменталисты» во главе с Олегом Асканаквым, а в конце концов Зинаида Тырысова, успешно излечившая одного из членов правительства, провозгласила себя реинкарнацией древней богини Умай-Эне и основала свой собственный культ. Обряды, которые стали проводить бывшие сторонники Кыныева, всё больше напоминали шаманские, а клановые интересы окончательно возобладали над интересами общеалтайскими [Клешев, 2011, 184–185].

В результате ритуалы, проводимые самим Кине, на которых в былые годы присутствовали сотни людей, стали посещать лишь самые преданные его почитатели. Неудивительно, что Акай, бьющий через край общественный темперамент которого сближает его с легендарными пророками прошлого, в скором времени охладел к погрязшей во внутренних распрях белой вере. В то же самое время он не потерял интереса к общественной деятельности, создав свой собственный «Духовный центр Алтай» и добившись избрания себя зайсаном алтайского рода телес. Список его дальнейших социально-политических проектов довольно внушителен, однако, пожалуй, самую широкую известность принесла ему эпопея с Алтайской Принцессой, захоронению которой на земле Алтая он вызвался всеми силами способствовать⁷. Никаких значимых успехов на этом поприще, впрочем, Кине до сих пор добиться не удалось, в то время как его опасные заигрывания с пантюркизмом и некоторые скандальные заявления, сделанные им по этому поводу в Турции, обратили на себя внимание в России. Есть опасения, что в недалёком будущем это может стоить алтайскому общественному деятелю не только репутации [Королева, 2014].

В то же самое время, белая вера, которая во многом благодаря его стараниям могла действительно претендовать на то, чтобы стать значимой силой в республике, так до настоящего времени и не преодолела острый организационный кризис, вызванный слишком ярко выраженным пристрастием к публичной политике её бывшего уже лидера. Точно так же, как и его духовные предшественники, *ярлыкчи*

начала XX века, Акай Кине излишне увлёкся политическими аспектами религиозной деятельности, забыв о том, что прежде, чем те же христианство, буддизм или ислам смогли превратиться в реальные политические силы, они прошли сложный путь идейного и организационного становления. Возможно, именно та поспешность, с которой новоявленные претенденты на звание хранителей традиционной мудрости древних стремятся конвертировать причастность к ней в свой личный политический капитал, до настоящего времени мешает тому, чтобы верования коренных народов действительно стали важным фактором политической жизни. В том случае, когда этому благоприятствуют исторические условия, как это случилось в самом начале или в самом конце прошлого века, они на короткое время достигают определённых успехов. Однако как только государство преодолевает внутреннюю смуту и вновь берёт под свой контроль происходящее в стране, их шансы на обретение значимого места в политической жизни общества начинают стремиться к нулю.

Илл. 1. Akai Kine. Алтайский общественный и религиозный деятель Акай Кине. Фото из личного архива Акай Кине. 2014 г.

*Илл. 2. Altars. Тагэлы, жертвенники бурханистов. Онгудайский район республики Алтай, 2012 г.
Фото Михалева М.С.*

Илл. 3. Ritual preparations. Встреча алтайского нового года на горе Тугая. Горно-Алтайск, 2012 г. Фото Михалева М.С.

*Илл. 4. Ritual. Встреча алтайского нового года на горе Тугая. Горно-Алтайск, 2012 г.
Фото Михалева М.С.*

*Илл. 5. Sun Worship. Современный обряд в исполнении Акай Кине. Горно-Алтайск, 2012 г.
Фото Михалева М.С.*

Источники

ПМА – Полевые материалы автора. Горно-Алтайск, Республика Алтай, Россия. 2012–2014 годы.

Библиографический список

1. Данилин, А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения / А.Г. Данилин. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – 208 с.
2. Жуковская, Н.Л. Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета / Н.Л. Жуковская // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / под ред. Н.Л. Жуковской – Москва: Восточная литература, 2008. – С. 9–36.
3. Клешев, В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня / В.А. Клешев. – Горно-Алтайск: Изд-во «Высоцкая Галина Григорьевна», 2011. – 246 с.
4. Кнорре, Б. Алтайская народная вера: ревитализация в свете сакральной геополитики / Б. Кнорре. // Russian Review Кестонского института. – 2011. – № 52. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition52/03-knorre-about-altai.html (дата обращения: 10.04.2018).
5. Королева, Е. Тревогу Горного Алтая цинично конвертируют в голоса избирателей / Е. Королева. // ФедералПресс [Электронный ресурс]. – URL: <http://fedpress.ru/news/society/reviews/1409817420-ekspert-trevogu-gornogo-altaya-tsinichno-konvertiruyut-v-golosa-izbiratelei> (дата обращения: 12.04.2018).
6. Ланда, Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги / Р.Г. Ланда. – Москва, Ин-т Ближнего Востока, 2005. – 286 с.
7. Овсиенко, Ф.Г. Христианские политические партии. / Ф.Г. Овсиенко // Религиоведение: Энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – Москва: Академический проект, 2006. – 1256 с.
8. Тадина, Н.А., Ябыштаев, Т.С. Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях. / Н.А. Тадина, Т.С. Ябыштаев // Материалы конференции, посвящённой 60-летию НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. Ч. 1. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2012. – С. 149–153.
9. Тропникова, А.Д. Ритуальные практики и власть в политических культурах государств Тропической Африки (на примере республики Кения). / А.Д. Тропникова // Доклад на XII конгрессе этнологов и антропологов России. Ижевск. – 3–6 июля 2017 г.
10. Харитонов, В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий / В.И. Харитонов. – Москва: Наука, 2006. – 372 с.
11. Шерстова, Л.И. Тайна долины Теренг / Л.И. Шерстова. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997. – 192 с.

Текст поступил в редакцию 19.04.2018.

¹ Как пишет в этой связи Р.Г. Ланда: «Небывалая ранее политизация ислама и мощный взлёт под его флагом многочисленных и нередко массовых движений во всём афро-азиатском мире, в том числе там, где мусульмане большинства не составляют, характерны для последних трёх десятилетий» [Ланда, 2005, 4].

² В качестве примера можно вспомнить Южную Корею, где в 2016 году произошёл крупный политический скандал, вызванный ставшими достоянием гласности фактами влияния шаманки Чхве Сунн Силь на исполнение своих должностных обязанностей президентом страны Пак Кын Хе. В конце концов это привело к народным волнениям, импичменту и тюремному заключению отправленного в отставку руководителя государства. Ситуация в Африке, где маги и колдуны тесно взаимодействуют с политическими партиями и кандидатами на тот или иной пост в государстве, так же симптоматична [Тропникова, 2017].

³ Определённая напряжённость отмечается лишь в отношениях между коренными алтайцами и казахами в Кош-Агачском районе, но и она является, скорее, следствием межнациональных, а не межрелигиозных противоречий.

⁴ Ярким представителем этой группы алтайцев является, к примеру, самопровозглашённый летописец теленгитского народа И. Тенгерек.

⁵ К этому, в частности, призывает В.А. Клешев, яркий представитель современной алтайской науки [Клешев, 2011, 11].

⁶ История это подробно описана в книге Л. Шерстова «Тайна долины Теренг» [Шерстова, 1997].

⁷ С общественно-политической деятельностью Акая Кине можно подробно ознакомиться на его персональном сайте: www.akaikine.ru.

References

1. Danilin A.G. *Burkhanizm. Iz istorii natsionalno-osvoboditel'nogo dvizheniia* [Burkhanism. From the History of a National Liberation Movement]. Gorno-Altaiisk: Ak-Chechek, 1993, 208 p. (in Russian).
2. Zhukovskaia N.L. *Religiia v Istorii i Kulture Mongoloiazychnykh Narodov Rossii* [Religion in History and Culture of the Mongol-Speaking Peoples of Russia]. Ed. by N.L. Zhukovskaia, Moscow: Vostochnaia Literatura, 2008, pp. 9–36 (in Russian).
3. Kleshev V.A. *Narodnaia religiia altaitsev: vchera, segodnia* [Folk Religion of the Altai People: Yesterday, Today]. Gorno-Altaiisk: "Vysotskaia Galina Grigorevna" Publ., 2011, 246 p. (in Russian).
4. Knorre B. *Russian Review Kestonskogo instituta* [Keston Institute Russian Review]. 2011, no. 52 (in Russian).
5. Koroleva E. *Trevogu Gornogo Altaia tsinichno konvertiruiut v golosa izbiratelei* [Anxiety of Gorny Altai is Cynically Converted into Votes]. Available at: <http://fedpress.ru/news/society/reviews/1409817420-ekspert-trevogu-gornogo-altaya-tsinichno-konvertiruyut-v-golosa-izbiratelei> (accessed April 12, 2018) (in Russian).
6. Landa R.G. *Politicheskii islam: predvaritelnye itogi* [Political Islam: Preliminary Results]. Moscow, In-t Blizhnego Vostoka, 2005, 286 p. (in Russian).
7. Ovsienko F.G. *Religiovedenie: Entsiklopedicheskii slovar* [Study of Religion: Encyclopedic Dictionary]. Ed. by A.P. Zabyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt, 2006 (in Russian).
8. Tadina N.A., Iabyshtaev T.S. *Materialy konferentsii, posvyashchyonnoj 60-letiyu NII altaistiki im. S.S. Surazakova* [Proc. of the Conference Dedicated to the 60th Anniversary of Altai Studies Research Center n.a S.S. Surazakov]. Vol. 1. Gorno-Altaiisk: Gorno-Altaiiskaia tipografiia, 2012, pp. 149–153 (in Russian).
9. Tropnikova A.D. *Ritualnye praktiki i vlast v politicheskikh kulturakh gosudarstv Tropicheskoi Afriki (na primere respubliki Keniia)* [Rituals and Power in the Political Culture of the States of Tropical Africa (a Case Study of the Republic of Kenya)]. Report at the XII CAER. Izhevsk. July 3–6, 2017 (in Russian).
10. Kharitonova V.I. *Feniks iz pepla? Sibirskii shamanizm na rubezhe tysyacheletii* [A Phoenix Rising from the Ashes? Siberian Shamanism at the Edge of Millennium]. Moscow: Nauka Publ., 2006, 372 p. (in Russian).
11. Sherstova L.I. *Taina doliny Tereng* [The Mystery of Tereng Valley]. Gorno-Altaiisk: Ak-Chechek, 1997, 192 p. (in Russian).